

семье не молится, то ее верующими членами это расценивается как тяжкий грех. Основным мотивом ее совершения является убеждение в том, что в процессе индивидуальной молитвы осуществляется личный контакт человека с богом. Однако ежедневно читают молитву лишь немногие верующие (18,3% опрошенных). Абсолютное большинство (56,8%) молится время от времени, значительно меньшее количество верующих (17,4%) молится очень редко. А некоторые люди, считающие себя верующими, не молятся вообще (7,5%), игнорируя эту форму контакта с богом. Эти данные свидетельствуют об угасании одной из наиболее важных религиозных потребностей современных верующих.

В целом, анализ мотивации современной религиозности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, общая мотивация, отражающая отношение верующих к своей вере, обусловлена их типом религиозности. Если религиозная мотивация занимает доминирующее положение, то вера отличается «крепостью», устойчивостью ее мифологического компонента. А если религиозная мотивация затеняется секулярной, то такие люди являются лишь формальными христианами. Во-вторых, частная мотивация, отражающая отношение верующих к различным формам культовой практики, обусловлена значимостью того или иного культового действия в личной жизни верующего. Немаловажное значение для этой мотивации имеют социально-демографические данные: пол, возраст, образование, социальное положение верующего и его место жительства. В-третьих, современная мотивация религиозности во многом обусловливается конфессиональной принадлежностью. У адептов православия главным внешним показателем религиозности является их участие в совершении религиозных обрядов и праздновании религиозных праздников, соблюдении постов. Религиозность католиков трансформируется по пути более строгого соблюдения канонических принципов. Религиозность протестантов и последователей нетрадиционных течений мотивируется доминирующим положением в их сознании мифологического компонента.

Список цитированных источников

1. Социальная психология. Краткий очерк. Под общ. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. – М.: Политиздат, 1975. – 319 с.
2. Дулуман Б., Лобовик Б., Танчер В. Современный верующий. Социально-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1970. – 176 с.
3. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект / Л.Г.Новикова. – Мн.: «БТН-информ», 2001. – 132 с.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Рудко Е.А.

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, Беларусь

Обострение внутренних противоречий в СССР привело к распаду огромного государства, что, в свою очередь, породило разнообразные противоречивые процессы в обществе, осложняемые обострившимися межнациональными противоречиями.

Переходные процессы и состояния всегда привлекали внимание философов, историков, социологов, экономистов, специалистов, представляющих различные направления не только общественных, но и естественных наук. Характерно, что, изучая проблемы современности в различных исторических ситуациях, в различные исторические эпохи, ученые воспринимают и осмысливают ее как переходность. При этом восприятие и осмысление современности направлено на выявление различий и противоречий между предшествующим и последующим состоянием общества, а также на сам переход, как проявление противоречий становления последующего.

Переходность может быть истолкована и как состояние, и как процесс. Как состояние она отражает перемены, реально достигнутые в конкретный исторический момент. В этом смысле переходность можно рассматривать как особый тип общества или особую историческую систему со свойственным ей устройством, закономерностями функционирования и методами регулирования. Как процесс переходность характеризуется динамикой изменений, их направленностью, временными рамками, этапами, стадиями, фазами, скоростью протекания переходных процессов и типами переходных механизмов.

Главные методологические трудности при обращении к анализу переходности в постсоветской России заключаются в том, что вопрос «от чего к чему осуществлялся переход» (как на глобальном уровне, так и на уровне конкретной исторической системы) до сих пор остается дискуссионным. Многие российские ученые активно разрабатывают и апробируют применительно к новым реалиям теорию системной трансформации. Согласно Карасеву В.И., «социальная трансформация является универсальной категорией социальной философии, ее объем включает в себя содержание процесса последовательной смены социального качества субстанции, структуры и функций данной социальной системы при переходе от одного уровня структурной организации человеческих сообществ к другому, эквипотенциальному по отношению к данной социальной системе» [1, с. 15-16].

Основные изменения Российского общества рубежа веков (XX-XXI) были обусловлены проведением процессов демократизации и радикальной экономической реформой, основное содержание которой составляло формирование рыночных основ экономики. Под непосредственным влиянием этих процессов произошли социально-культурные сдвиги и качественные изменения в экономике и политике. Такая радикальная трансформация создала: во-первых, предпосылки резкого снижения уровня социальной адаптированности населения; во-вторых, породила противоречие когда, с одной стороны, происходило формирование нового общественного строя, основанного на демократии и рыночной системе отношений, а, с другой, усугублялся кризис переходного периода, проявлявшийся в социально-экономической нестабильности и неопределенности жизненных перспектив. Адаптация к новым социальным условиям – это не столько принятие отдельных элементов новой социальной ситуации, сколько социально-психологическое освоение новой социальной реальности (новой системы координат).

В СССР (РСФСР) не было легальной экономической и социальной базы для становления частной собственности и введения рыночных отношений, поэтому они стали вводиться бессистемно на основе государственной собственности, что изначально несло в себе потенциал сильных противоречий, дисфункций, чреватых негативными социальными последствиями.

Переход к рыночной экономике был сделан на основе единовременной либерализации цен и внешней торговли, ухода государства из экономики и ограничения его роли в проведении монетарной политики. Как отмечает Медведев В.А., такой подход, не соответствующий условиям и особенностям российской экономики, усилил трудности, а также негативные тенденции и процессы, привёл к обвальному падению производства, дезорганизации всей хозяйственной жизни [2, с. 113]. Создание рыночной экономики началось сверху в условиях полной экономической, социальной и психологической неподготовленности общества, а сам процесс образования частной собственности не всегда соответствовал не только праву, но и морали.

Население оказалось лишенным собственности, причём не только наличных сбережений, но и депонированных в учреждениях Сбербанка, гарантом сохранности которых выступало государство, которое этим актом укрепило мнение граждан об оп-

равданности любых противоправных действий в отношении государственной собственности.

В условиях, когда основная масса населения была лишена денежных сбережений, а в деловом мире были установлены, фактически узаконены незаконные методы обогащения, государство начало кампанию приватизации и разгосударствления, которая повлекла за собой дальнейший спад производства и обострение национальной напряженности.

Анализируя проблемы переходного периода, следует выделить ценностный конфликт в качестве обязательного и неизбежного компонента радикальной трансформации структуры общественного и индивидуального сознания. Если на уровне индивида мы имели ценностный конфликт, затрагивающий сферу мотивации и смыслообразования, то на уровне социальных подсистем и институтов – социальную дезинтеграцию, проявляющуюся в противоречивости и неопределенности обобщенной нормативной системы. Данная проблема определила широкий спектр негативных последствий, связанных с состоянием дезадаптации, в том числе с постадаптационным синдромом. В качестве основных негативных последствий могут быть выделены деинституализация системы правового и морального санкционирования, утрата легитимности нормативной системы, девальвация социального контроля, нарушение механизмов социальной стратификации, глобальная маргинализация, характеризующаяся нисходящей социальной мобильностью, к тому же носившая массовый и долговременный характер, которая привела к нарастанию энтропии и деструктивным тенденциям в обществе, расширению и углублению аномического поведения, а также всеохватывающему распространению преступности. Об увеличении числа преступлений свидетельствуют статистические данные. Так, в 1960 г. абсолютный показатель преступности в СССР составлял 877549, а в 1990 – 3224273. После 1990 г. преступность на территории бывшего СССР увеличилась на 75% (1995 г.) [3, с. 20].

Как отмечает Стариков Е.Н., особенность процесса маргинализации Российского общества, обусловленная интенсивными процессами социальной дифференциации и высокой социальной мобильностью, состояла в том, что она «покрывала практически все общество, в том числе и его «элитные» группы...» [4, с. 87]. Источники пополнения маргиналов проистекли практически из всех социальных групп, слоев и классов, а нынешние представители маргиналов могли завтра стать представителями «новой» буржуазии. Это объясняется тем, что предпринимательство открыло каналы вертикальной социальной мобильности людям, которым были затруднены традиционные карьерные пути через наследование имущества или титулов, через государственную или военную службу. Поэтому в числе потенциальных предпринимателей далеко не в последнюю очередь оказывались маргиналы. В условиях российского общества процесс маргинализации, являясь прямым следствием структурных изменений в экономике, повлек за собой падение жизненного уровня большинства населения, а также политические и межнациональные конфликты.

Процесс трансформации социальной структуры Российского общества характеризовался также расширением числа деклассированных элементов, т.к. «вымываемые» социальные группы и классы – постоянный поставщик кадров для социального «дна». Туда опустились те, кто был не в состоянии оправиться от материальных потерь и морального шока, связанных с необходимостью приспособления к новым условиям труда и образу жизни, те, кто не сумел найти новую сферу приложения своего труда.

В результате длительной маргинализации эти люди утрачивали социально полезные связи и десоциализировались. Опасность десоциализации состоит не столько в распространенности нетрудовых доходов, возможность получения которых постоянно возникала, сколько в том, что десоциализированные личности практически не воз-

вращаются в нормальный уклад жизни. Причина этого – разрушение базовых социальных норм.

Человека, живущего в любом нестабильном обществе, в любую переходную эпоху, жизнь которого характеризуется постоянным изменением социального статуса вследствие общей нестабильности жизненных условий, неустойчивости социальных ролей, разлада механизма социальной идентификации, Ганжин В.Т. называет трансформантом. «Трансформант» – это существо, выбитое процессом социальной модернизации из прежней жизненной колеи, не находящее прямого нового жизненного пути, лишенное вследствие этого постоянных ориентаций и устойчивого мировоззрения, необходимого для выстраивания стратегии жизни [5, с. 40].

Характеризуя стратификационные процессы и профиль социальной структуры Российского общества, необходимо отметить, что в ходе приватизации резко усилилось расслоение общества по уровню доходов, объему и качеству материального обеспечения и услуг. Это закономерное явление для переходного периода, когда на фоне обогащения меньшинства широкие массы населения теряют возможность пользоваться теми благами, к которым они привыкли. Произошло полное крушение социальных гарантий, ибо сам по себе рынок был антисоциален и стал «социальным» только при достижении определенного экономического уровня, позволяющего поддерживать науку, образование, медицину, выплату различных пособий.

Возникшее в период социальных перемен противоречие между традиционными и инновационными ценностями разрешается в виде социокультурной трансформации. По мнению Рассадина Т.А., сегодня традиционные ценности в современном российском обществе подвергаются критическому осмыслению, возникает множество различных комбинаций на основе имеющихся и стихийно возникших ценностей, что отражается на процессах социализации, самоидентификации и социальной адаптации к новым социальным условиям [6, с. 95].

В свою очередь, завершение кризисного периода и стабилизация социальных условий будут сопровождаться институционализацией новых ценностей, что, в конечном итоге, приведет к смене ценностной парадигмы общества.

Список цитированных источников

1. Карасев, В.И. Социальная трансформация как предмет философского анализа: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра философских наук. – М., 2000.
2. Медведев, В. Проблемы экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.
3. Лунеев, В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В.Н. Кудрявцева. – М.: Из-во НОРМА, 1999. – 516 с.
4. Стариков, Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // ПОЛИС. – 1994. – № 4.
5. Ганджин, В.Т. Ментальные недуги трансформанта // Экология человека. Научно-публицистический журнал. – 1994. – № 2.
6. Рассадина, Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. – 2006. – № 9.

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Рындова О.Н.

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно, Беларусь

Конец XX века стал настоящей эпохой глобализации мировой экономики. Современные реалии наглядно демонстрируют, что мировое хозяйство – это многоуровне-